

Толстой Лев Николаевич

**Педагогические статьи трех
периодов: 60-х, 70-х годов и
последнего времени**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Педагогические статьи трех периодов: 60-х, 70-х годов и последнего времени / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 423 с.

ISBN 978-5-519-77207-5

Содержание: От редакции / П. Бирюков]. Первый педагогический период: Письмо Льва Николаевича к Е.П. Ковалевскому; К публике; О народном образовании: О методах обучения грамоте; Проект общего плана устройства народных училищ; Воспитание и образование; Прогресс и определение образования; Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?; Ясно-Полянская школа; Второй педагогический период: Общие замечания для учителя; Выдержка из письма гр. Л.Н. Толстого к г-же !Е.И. Менгден, от февр. 1875 г.]; О народном образовании: Третий педагогический период: О религиозном воспитании; Мысли о воспитании; О свободной школе: Из письма к П.И. Бирюкову; Беседы с детьми по нравственным вопросам; О воспитании: Письмо 1-е; О воспитании: Письмо 2-е; В чем главная задача учителя?

ISBN 978-5-519-77207-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕРВЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЪ.

Письмо Л. Н—ча къ Е. П. Ковалевскому.

(Проектъ общества народнаго образованія).

«Вы, можетъ-быть, помните, любезный Егоръ Петровичъ, что я ужъ 3-й годъ живу въ деревнѣ и занимаюсь хозяйствомъ. Нынешній годъ (съ осени), кромѣ хозяйства, я занимаюсь еще школой для мальчиковъ, дѣвочекъ и большихъ, которую я завелъ для всѣхъ желающихъ. У меня набралось около 50 учениковъ и все прибавляются. Успѣхи учениковъ и успѣхъ школы въ мнѣніи народа неожиданны. Но всего не расскажешь, какъ и почему; надо или книгу написать или самому посмотрѣть. Дѣло вотъ въ чемъ. Мудрость во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, мнѣ кажется, состоитъ не въ томъ, чтобы узнать, что нужно дѣлать, а въ томъ, чтобы знать, что дѣлать прежде, а что послѣ. Въ дѣлѣ прогресса Россіи, мнѣ кажется, что, какъ ни полезны телеграфы, дороги, пароходы, штуцера, литература (со всѣмъ своимъ фондомъ), театры, академіи художествъ и т. д., а все это преждевременно и напрасно до тѣхъ поръ, пока изъ календаря будетъ видно, что въ Россіи, включая всѣхъ будто бы учащихся, учится $\frac{1}{100}$ доля всего пародонаселенія. Все это полезно (академіи и т. д.), но полезно такъ, какъ полезенъ обѣдъ Англійскаго клуба, который весь съѣстъ экономъ и поваръ. Всѣ эти вещи производятся всѣми 70.000.000 русскихъ, а потребляются тысячами. Какъ ни смѣшны славянофилы съ своею народностью и оторванностью *et tout le tremblement*, они только не умѣютъ называть вещи по имени, а они, нечаянно, правы. Не только намъ, русскимъ, но каждому иностранцу, проѣхавшему 20 верстъ по русской землѣ, должна въ глаза кинуться численная непропорціо-

нальность образованныхъ и необразованныхъ или, вѣрнѣе, дикихъ и грамотныхъ. А нечего и говорить, ежели сравнить отчеты разныхъ европейскихъ государствъ. Впрочемъ, ежели бы въ Англіи приходился 1 дикій на сто, и тогда, навѣрно, общественное зло происходило бы только отъ этого процента дикихъ. Общественное зло, которое у насъ въ привычку вошло сознать и называть разными именами, большею частью—насиломъ, деспотизмомъ, что это такое, какъ не насилие преобладающаго невѣжества? Насилие не можетъ быть сдѣлано однимъ человѣкомъ надъ многими, а только преобладающимъ большинствомъ, единомышленнымъ въ невѣжествѣ. Только кажется, что Наполеонъ III заключилъ Виллафранкскій миръ и запрещаетъ журналы и хочетъ захватить Савойю, а все это дѣлаютъ Феликсы и Викторы, которые не умѣютъ читать газеты. Однако мои педагогическія привычки увлекли меня, и мнѣ самому смѣшно, что я *вамъ* пресерьезно доказываю, что $2 \times 2 = 4$, т.-е. что насущнѣйшая потребность русскаго народа есть народное образованіе. Образованія этого *нѣтъ*. Оно еще не начиналось и никогда не начнется, ежели правительство будетъ завѣдывать имъ. Что его нѣтъ, это доказывать нельзя, а ежели бы вы были здѣсь, то мы бы сейчасъ обошли всю деревню и посмотрѣли бы, и послушали. Чтобы доказать, что оно не начиналось, мы бы тоже сейчасъ прошли въ школу и я бы вамъ показалъ грамотныхъ, учившихся прежде у поповъ и дьяконовъ. Это одни ученики, которые совершенно безнадежны. Надъ спорами: полезна ли грамотность или нѣтъ, не слѣдуетъ смѣяться. Это очень серьезный и грустный споръ, и я прямо беру сторону отрицательную. *Грамота*, процессъ чтенія и писанія, вредна. Первое, что они читаютъ—славянскій символъ вѣры, псалтырь, заповѣди (славянскіе), второе—гадательную книгу и т. п. Не провѣривъ на дѣлѣ, трудно себѣ представить ужасныя опустошенія, которыя это производитъ въ умственныхъ способностяхъ, и разрушенія въ нравственномъ складѣ учениковъ. Надо побывать въ сельскихъ школахъ и въ семинаріяхъ (я изслѣдовалъ это дѣло), въ семинаріяхъ, которыя доставляютъ педагоговъ въ училища отъ правительства, чтобы понять, отчего ученики этихъ школъ выходятъ глупѣе и

безнравственныѣ неучениковъ. Чтобы народное образованіе пошло, нужно, чтобы оно было передано въ руки общества. Не стану приводить примѣръ Англіи, самой образованной страны,—самая сущность дѣла говорить за себя. Ежели бы правительство бросило всё дѣла, закрыло бы всё департаменты и комиссіи (и прекрасно бы сдѣлало) и занялось бы однимъ народнымъ воспитаніемъ, и тогда едва ли бы оно успѣло,—потому что механизмъ, усвоенный правительствомъ, помѣшалъ бы ему, и, главное, потому, что интересы его кажутся отдаленными (въ сущности, это одинъ его интересъ) отъ народного образованія. Общество же должно успѣть, потому что интересы его непосредственно связаны съ степенью образованія народа, потому что, лишенная всёхъ насильственныхъ средствъ, дѣйствія общества будутъ сообразоваться только съ потребностью народа, которая выразится въ филантропическомъ или денежномъ успѣхѣ предпріятія, въ степени удовлетворенія народной потребности будутъ постоянно имѣть повѣрку своихъ дѣйствій. Но я опять, кажется, доказываю дважды два. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, существуетъ ли потребность образовывать и образовываться. Для меня это вопросъ рѣшенный. Полгода моей школы породили три такихъ же въ окресткѣ, и вездѣ успѣхъ былъ одинаковый. Дѣло вотъ въ чемъ: что скажетъ правительство, ежели ему представить слѣдующій проектъ:

«Общество народного образованія (или болѣе скромное названіе) имѣетъ цѣлю распространеніе образованія въ народѣ.

«Средства Общества будутъ состоять изъ взноса членовъ по 100 или 500 рублей, изъ платы учениковъ (гдѣ это возможно), изъ выручки за изданія Общества и изъ пожертвованій.

«Дѣйствія Общества будутъ состоять:

«1) Въ изданіи журнала, состоящаго изъ отдѣла собственно педагогическаго (о законахъ и способахъ первоначальнаго преподаванія), отдѣла первоначальныхъ руководствъ для учителей и чтеній для учениковъ и отдѣла свѣдѣній о дѣйствіяхъ Общества.

«2) Въ учрежденіи школъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ нѣтъ и гдѣ чувствуется въ нихъ потребность.

«3) Въ составленіи курса преподаванія, въ назначеніи учителей, въ надзорѣ за преподаваніемъ, за хозяйственнымъ учетомъ, вообще за управленіемъ такихъ школъ.

«4) Въ надзорѣ за преподаваніемъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ учредители того пожелаютъ.

«До сихъ поръ Общество это составляю я одинъ. По говорю вамъ безъ фразы, что, возможно будетъ или нѣтъ такое Общество, я положу все, что могу, и всѣ свои силы на исполненіе этой программы. Нечего говорить, что навѣрно мои мысли односторонни, и что общество, занявшись имъ, многое измѣнитъ и прибавитъ, но ежели бы это могло только собрать силы многихъ къ одной цѣли. Вы-то помогите мнѣ, любезный другъ, Егоръ Петровичъ. Я на дурномъ счету у правительства. Отъ меня это никакъ не должно итти, а поговорите или составьте изъ этого получше записку и покажите Евграфу Петровичу. (Я вамъ прямо задаю дѣло потому, что знаю впрямъ, что не можете всей душой не сочувствовать этому.) Ежели бы я узналъ навѣрно, что правительство разрѣшитъ это Общество, то я бы поработалъ серьезнѣе надъ составленіемъ самаго проекта и подаль бы его отъ другого лица. Есть въ Тулѣ директоръ гимназій Гаяринъ (вашъ братъ его знаетъ), замѣчательный человѣкъ, которому я нонче сказалъ о своемъ намѣреніи. Я надѣюсь, что онъ не отказался бы подать отъ себя. Во всякомъ случаѣ, у васъ дѣло въ хорошихъ рукахъ. Подайте ли прямо, переписавъ и передѣлавъ эту записку (объ Обществѣ) или позондируйте, гдѣ слѣдуетъ, и напишите мнѣ, рассказавъ, какъ надо поступать; одно только, на обыкновенную удочку правительства, заставить подробно изложить проектъ, курсъ преподаванія и т. д. и потомъ сказать—нельзя, я на эту удочку не поддамся. Мнѣ мое время дорого (и съ гордостью могу сказать, дорого и для 100 мальчиковъ). Кромѣ школы у себя, у брата, я готовлю большую статью о педагогѣ, которая не будетъ годиться въ проектъ для правительства, позволять или нѣтъ, а я хоть одинъ, а все буду составлять тайное общество народнаго образованія. Нѣтъ, безъ шутокъ, ежели бы Общество оказалось невозможнымъ, то я все-таки намѣренъ издавать журналъ, о которомъ пишу въ проектѣ

Общества. Позондируйте почву и объ этомъ напишите, пожалуйста: разрѣшать ли журналъ съ моимъ именемъ, какъ редактора. И какъ, въ какой формѣ, кому нужно подать объ этотъ, и что такое. Какъ мнѣ ни нужно быть здѣсь, я бы пріѣхалъ въ Петербургъ, ежели для успѣха дѣла мое присутствіе могло бы быть необходимо. И какъ подумаешь, что почти навѣрно вы мнѣ отвѣтите: «видно, что вы, Левъ Николаевичъ, сидите въ деревнѣ, что съ такими проектами суетесь». Какъ подумаешь, отчаяніе находить. И чего можетъ бояться правительство? Развѣ можно въ свободной школѣ учить тому, чего не слѣдуетъ знать? У меня бы ни одного человѣка не было въ школѣ, ежели бы я заикнулся о томъ, что мощи не есть такая же святыня, какъ Самъ Богъ. Но это не мѣшаетъ имъ знать, что земля—шаръ и что $2 \times 2 = 4$. Ну, что будетъ, то будетъ; только поскорѣе, какъ можно поскорѣе, извѣстите меня. Будьте здоровы, не грустите и дай Богъ вамъ всего лучшаго. Отъ души жму вашу руку.

Вашъ Л. Толстой.

12 марта 1860 года.
Ясная Поляна.

Къ публикѣ¹⁾.

Выступая на новое для меня поприще, мнѣ становится страшно и за себя и за тѣ мысли, которыя годами вырабатывались во мнѣ и которыя я считаю за истинныя. Я напередъ убѣжденъ, что многія изъ этихъ мыслей окажутся ошибочными. Какъ бы я ни старался изучать предметъ, я невольно смотрѣлъ на него съ одной стороны. Надѣюсь, что мои мысли вызовутъ противныя мнѣнія. Всѣмъ мнѣніямъ я съ удовольствіемъ дамъ мѣсто въ своемъ журналѣ. Одного я боюсь: чтобы мнѣнія эти не выражались желчно, чтобы обсужденіе столь дорогого и важнаго для всѣхъ предмета, какъ народное образованіе, не перешло въ насмѣшки, въ личности, въ журнальную полемику.

Я не скажу, что насмѣшки и личности не могутъ меня затронуть, что я надѣюсь стоять выше ихъ. Напротивъ, я признаюсь, что боюсь за себя одинаково, какъ боюсь и за самое дѣло; боюсь увлеченія полемикой личной, вмѣсто спокойной и упорной работы надъ своимъ дѣломъ.

Поэтому я прошу всѣхъ будущихъ противниковъ моихъ мнѣній выражать свои мысли такъ, чтобы я могъ объясниться и приводить доказательства тамъ, гдѣ несогласіе будетъ зависѣть отъ недоразумѣній, и могъ бы соглашаться тамъ, гдѣ мнѣ будетъ доказана несостоятельность моихъ мнѣній.

1) При первомъ номерѣ журнала „Ясная Поляна“.

О народномъ образованіи.

Народное образованіе всегда и вездѣ представляло и представляетъ одно, непонятное для меня, явленіе. Народъ хочетъ образованія, и каждая отдѣльная личность безсознательно стремится къ образованію. Болѣе образованный классъ людей—общества, правительства—стремится передать свои знанія и образовать менѣе образованный классъ народа. Казалось, такое совпаденіе потребностей должно было бы удовлетворить какъ образовывающій, такъ и образовывающійся классъ. Но выходитъ наоборотъ. Народъ постоянно противодѣйствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество или правительство, какъ представители болѣе образованнаго сословія, и усилія эти, большею частью, остаются безуспѣшными. Не говоря о школахъ древности—Индій, Египта, древней Греціи и даже Рима, устройство которыхъ намъ такъ же мало извѣстно, какъ и народное воззрѣніе на эти учрежденія, явленіе это поражаетъ насъ въ европейскихъ школахъ со временъ Лютера до нашего времени.

Германія, родоначальница школы, почти 200-лѣтней борьбой не успѣла еще покорить противодѣйствія народа школѣ. Несмотря на назначенія заслуженныхъ солдатъ-инвалидовъ въ учителя Фридрихами, несмотря на строгость закона, 200 лѣтъ существовавшаго, несмотря на приготовленіе учителей самаго новаго фасона въ семинаріяхъ, несмотря на все чувство покорности закону иѣмца, принудительность школы еще до сей поры всею силою тяготеетъ надъ народомъ; иѣмецкія правительства не рѣшаются уничтожить законъ обязательности школъ. Германія можетъ гордиться только образованіемъ народа по статистическимъ свѣдѣніямъ, народъ же попрежнему

большею частью выносить изъ школы только отвращеніе къ школѣ. Франція, несмотря на переходы образованія изъ рукъ короля къ директоріи и изъ рукъ директоріи въ руки духовенства, такъ же мало успѣла въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ и Германія, и еще меньше, говорятъ историки образованія, судящіе по официальнымъ отчетамъ. Во Франціи серьезные государственные мужи предлагаютъ еще теперь, какъ единственное средство побѣдить противодѣйствіе народа,—введеніе закона принужденія. Въ свободной Англіи, гдѣ не могло и не можетъ быть мысли введенія такого закона—о чемъ многіе, однако, соблазняются, не правительство, а общество всѣми возможными средствами боролось и борется по сіе время съ еще сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, выражающимся противодѣйствіемъ народа школамъ. Школы вводятся тамъ отчасти правительствомъ, отчасти частными обществами. Громадное распространеніе и дѣятельность этихъ религиозно-филантропически-образовательныхъ обществъ въ Англіи лучше всего доказываютъ ту силу отпора, которую встрѣчаетъ тамъ образовывающая часть народа. Даже новое государство, Сѣверо-Американскіе Штаты, не обошло этой трудности и сдѣлало образованіе полупринудительнымъ. Что и говорить о нашемъ отечествѣ, гдѣ народъ еще большею частью озлобленъ противъ мысли о школѣ, гдѣ образованнѣйшіе люди мечтаютъ о введеніи нѣмецкаго закона школьнаго принужденія, и гдѣ всѣ школы, даже для высшаго сословія, существуютъ только подъ условіемъ приманки чина и вытекающихъ изъ него выгодъ. До сихъ поръ дѣтей вездѣ почти силою заставляютъ идти въ школу, а родителей, строгостью закона или хитростью—предоставленіемъ выгодъ, заставляютъ посылать своихъ дѣтей въ школу; а народъ самъ собой вездѣ учится и считаетъ образованіе благомъ.

Что жъ это такое? Потребность образованія лежитъ въ каждомъ человѣкѣ; народъ любитъ и ищетъ образованія, какъ любитъ и ищетъ воздуха для дыханія. Правительство и общество сгораютъ желаніемъ образовывать народъ, и, несмотря на все насиліе, хитрость и упорство правительствъ и обществъ, народъ постоянно заявляетъ свое недовольство предлагаемымъ ему образованіемъ и, шагъ за шагомъ, сдается только силѣ.

Какъ при каждомъ столкновеніи, такъ и при этомъ. нужно было рѣшить вопросъ: что болѣе законно, противодѣйствіе или самое дѣйствіе; нужно ли сломить противодѣйствіе, или измѣнить дѣйствіе?

До сихъ поръ, сколько можно было видѣть изъ исторіи, вопросъ былъ рѣшаемъ въ пользу правительства и образовывающаго общества. Противодѣйствіе признавалось незаконнымъ, въ немъ видѣлось начало зла, присущее человѣчеству, и, не отступая отъ своего образа дѣйствія, то-есть не отступая отъ той формы и отъ того содержанія образованія, которымъ владѣло общество, оно употребляло силу и хитрость для уничтоженія противодѣйствія народа. Народъ медленно и неохотно до сихъ поръ покорялся этому дѣйствію.

Должно - быть, образовывающее общество имѣло какія-нибудь основанія для того, чтобы знать, что образованіе, которымъ оно владѣло въ извѣстной формѣ, было благо для извѣстнаго народа и въ извѣстную историческую эпоху.

Какія же эти основанія? Какія имѣетъ основанія школа нашего времени учить тому, а не этому, учить такъ, а не иначе?

Всегда и во всѣ вѣка человѣчество пыталось дать и давало болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на эти вопросы, и въ наше время отвѣтъ этотъ еще болѣе необходимъ, чѣмъ когда-нибудь. Китайскаго мандарина, не выезжавшаго изъ Пекина, можно заставлять заучивать изреченія Конфуція и палками вѣнчать въ дѣтей эти изреченія. Можно было это дѣлать и въ средніе вѣка, но гдѣ же взять въ наше время ту силу вѣры въ несомнѣнность своего знанія, которая бы могла намъ дать право насильно образовывать народъ? Возьмите какую угодно средневѣковую школу, до или послѣ Лютера, возьмите всю ученую литературу среднихъ вѣковъ, — какая сила вѣры и твердаго несомнѣннаго знанія того, что истинно и что ложно, видна въ этихъ людяхъ! Имъ легко было знать, что греческій языкъ — единственное, необходимое условіе образованія, потому что на этомъ языкѣ былъ Аристотель, въ истинѣ положеній котораго никто не усомнился нѣсколько вѣковъ послѣ. Какъ было монахамъ не требовать ученія священнаго писанія, стоявшаго на незыблемыхъ основаніяхъ? Хорошо было Лютеру

требовать непремѣннаго изученія еврейскаго языка, когда онъ твердо зналъ, что на этомъ языкѣ Самъ Богъ открылъ истину людямъ. Понятно, что, когда критическій смыслъ челоуѣчества еще не пробуждался, школа должна была быть догматическая; что естественно было ученикамъ заучивать наизусть истины, открытыя Богомъ и Аристотелемъ, и поэтическія красоты Virgilіа и Цицерона. Ни истины, болѣе истинной, ни красоты, болѣе красивой, никто нѣсколько вѣковъ послѣ не могъ себѣ представить. Но какое положеніе школы нашего времени, оставшейся на тѣхъ же догматическихъ принципахъ, когда рядомъ съ классомъ заучиванія истины о безсмертіи души ученику стараются дать уразумѣть, что нервы, общіе челоуѣку и лягушкѣ, суть то, что называли прежде душою; когда послѣ исторіи Іисуса Навина, переданной ему безъ объясненій, онъ узнаетъ, что солнце никогда не ходило вокругъ земли; когда послѣ объясненія красотъ Virgilіа онъ находитъ красоты Александра Дюма, проданныя ему за пять сантимовъ, гораздо бѣльшими; когда единственная вѣра учителя состоитъ въ томъ, что ничего нѣтъ истиннаго, что все, что существуетъ, то разумно, что прогрессъ есть добро, и отсталость—зло; когда никто не знаетъ, въ чемъ состоитъ эта всеобщая вѣра прогресса?

Сравните послѣ всего этого догматическую школу среднихъ вѣковъ, въ которыхъ истины несомнѣнны, и нашу школу, въ которой никто не знаетъ, что есть истина, и въ которую все-таки насильно ученика заставляютъ ходить, а родителей посылать своихъ дѣтей. Мало того, легко было средневѣковой школѣ знать, чему учить: чему учить прежде и чему учить послѣ и какъ учить, когда метода была только одна, и когда вся наука сосредоточивалась въ Библии, книгахъ Августина и Аристотеля. Но каково намъ при безконечномъ разнообразіи предлагаемыхъ со всѣхъ сторонъ методовъ обученія, при огромномъ количествѣ наукъ и ихъ подраздѣленій, сложившихся въ наше время, каково намъ выбрать одинъ изъ всѣхъ предлагаемыхъ методовъ, выбрать извѣстную отрасль наукъ и выбрать, что труднѣе всего, ту послѣдовательность въ преподаваніи этихъ наукъ, которая была бы разумна и справедлива. Мало и этого. Отысканіе этихъ основаній въ наше время представляется болѣе труднымъ